

ниями литературы античной, итальянской, шведской, новолатинской и даже арабской. Отправляясь от кратких записей в «списках» к возможным источникам ломоносовских сведений о тех или иных книгах, Павел Наумович на основании им добытых сведений воссоздает в новом, обогащенном виде систему литературных взглядов Ломоносова. Так «факт» оказывается не начальным или конечным пунктом литературоведческого исследования, а звеном в цепи доказательств и выводов, ступенькой в процессе бесконечного восхождения к научной истине.

Павел Наумович пришел в науку с глубоким убеждением, что литература нации создается не порывами гениев, а коллективным творчеством всего народа, всей массы безымянных деятелей, так или иначе причастных к созиданию национальной культуры. И не безликий «процесс», а пеструю, многосложную жизнь русской интеллигенции, выразительницы самосознания нации, считает он подлинным предметом своего исследования. Вот почему рядом с Ломоносовым, Фонвизиным, Сумароковым, Радищевым мы находим в его работах и таких персонажей, как предполагаемый автор — составитель «Драматического словаря» (1787) или издатель «несостоявшегося» сатирического журнала «Демокрит». Воодушевленный, подобно своим учителям и предшественникам, великой и плодотворной идеей необходимости сохранять и продолжать традиции национальной культуры, Павел Наумович с особенной любовью пишет о тех, кто осуществляет великое дело культурной преемственности, кто вооружает память нации материалами и пособиями — о библиографах, составителях каталогов и о своих товарищах по историко-литературному исследованию.

Павел Наумович сейчас, как и всегда, — в пути. Близка к завершению его новая монография — «Русско-немецкие литературные связи и взаимоотношения XI—XVIII вв.», впереди ряд новых замыслов. За вышедшим недавно «Введением в изучение русской литературы XVIII века» (1964) должны последовать как его продолжение «Источниковедение» и «Научная проблематика» истории литературы XVIII в. Вместе они составят неоценимое пособие не только для исследователя русской литературы XVIII в., но и для каждого ученого, заинтересованного в уточнении и отшлифовке методологии и методики своей исследовательской работы.

«Введение в изучение истории русской литературы XVIII века» в части, касающейся советского периода, имеет один существенный пробел: в нем сравнительно мало сказано о том, что сделал сам Павел Наумович Берков как один из создателей советской науки о литературе XVIII в.

Настоящая заметка может лишь в самой слабой степени этот ущерб возместить и выразить дань восхищения и уважения труду всей жизни нашего юбиляра.